

К ВОПРОСУ О СОБИРАТЕЛЬНЫХ И ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИМЕНАХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

(На материале старобелорусской письменности 15—17 вв.)

В. СТАШАЙТЕНЕ

Собирательные и вещественные имена существительные составляют особую лексико-семантическую группу, которая стоит как бы на грани между абстрактной и предметной лексикой. Их можно назвать полубабстрактными: с одной стороны, они определяются критериями абстрактных слов, с другой же, они настолько связаны со значением предметности, что иногда лишь грамматические признаки (категория числа и пр.) отталкивают их от исходного значения.

В логико-понятийном отношении собирательная и вещественная лексика, по нашему мнению, не может считаться полностью отвлеченной на том основании, что в ней на первый план выступает предметность и только определенный признак этой предметности характеризуется отвлеченностью. В словах со значением собирательности (*людые, челядь, братья* и т.п.) и тем более в словах со значением вещественности (*овесъ, медъ, вода*) понятийность выражается через конкретные предметы действительности, в них проявляется „изолирующая абстракция“ [1], т.е. здесь абстрагируется одно лишь свойство, в данном случае свойство грамматикализованное: множественность, неисчислимость.

Нам скажут, взаимосвязь понятийности с реальностью и даже предметностью в той или иной мере наличествует в абстрактной лексике вообще, следовательно, факт этот нельзя считать исключительным явлением, характерным только для собирательной или вещественной лексики. Однако в последней лексике предметность именно на первом плане, признак отвлеченности здесь основывается на абстракции обобщенности (в собирательной) или на абстракции целостности, единства (в вещественной). Основным же признаком обычно считается грамматический.

Следует признать, что степень абстрактности в собирательной лексике выше, чем в вещественной. Если в первой имеется в виду не только множественность отдельных предметов или индивидов, но также и их совокупность, обобщенность, то во второй — отдельные предметы, но только особые, те, в которых абстрагируется целостность, неделимость, неисчислимость. В свя-

зи с этим осмеливаемся не согласиться с точкой зрения А. А. Реформатского [2] по поводу собирательной лексики, согласно которой загадочным парадоксом считается то, что здесь „множественное передается через единственное“. Нам кажется, парадокс здесь выступает только в грамматическом смысле, если же это „единственное“ считать обобщенной абстракцией, т.е. в грамматической категории числа усматривать еще и акт абстрагирования, то парадоксальное явление превращается в правомерное. Следовательно, слово в собирательном значении стоит ближе к абстрактному, чем слово с вещественным значением.

Собирательные имена существительные

Термин „собирательное“ существительное, по мнению А. А. Реформатского, напоминает кальку (ср. *collectifs, Collectiva, Sammelwörter*). Развитие собирательности А. Потеня объясняет следующим образом: „Чтобы качество могла перейти в собирательность, нужно применение имени качества ко многим однородным особям, которые должны быть действительными, а не мнимыми субстанциями...“ [3]. А. А. Шахматов отмечает признак индивидуализации в словах как с вещественным, так и собирательным значением. Принцип этот соответствует понятию, отмеченному А. Потеней, — „однородные особи“. О. Есперсен считает, что термин „собирательные существительные следует употреблять не широко, как это делается в работах по грамматике, а в строгом смысле — в отношении существительных, обозначающих единство ряда предметов, или существительных, которые можно пересчитать. Таким образом, собирательность в логическом отношении, с одной стороны, есть единичность, а с другой, — множественность“ [4]. Следовательно, логическая мысль подводит слова со значением собирательности к грамматической формализации.

Обычно семантический состав собирательной лексики рассматривается исследователями с двух точек зрения: словообразовательной и морфологической.

Так, например, А. А. Шахматов отмечает, что собирательные слова, унаследованные от общерусского праязыка, типа *братья, господа* развивались на грамматической основе: „В синтаксическом употреблении эти слова сходились с формами множественного числа“ [5]. По такому же принципу строится шахматовское предположение о существительных среднего рода типа *здоровье, дурачье*: „собирательные с окончанием ударением в именительном, оканчивающиеся на *-ье*, сохранили свое древнее значение и склонение“ [6]. Аналогичным способом комментирует эволюцию индоевропейских существительных на *-a (familia)* О. Есперсен [4].

Проблема словообразования неизбежна при рассмотрении собирательной лексики, ибо она иногда характеризуется особой суффиксацией. Данному вопросу посвящены многие исследовательские работы; из белорусских авторов следует отметить Н. Павленко [7].

Грамматическая характеристика собирательной лексики переплетается с ее содержанием в логическом отношении. Выше отмечалось, что собирательное слово „по форме единственное, а по значению множественное“, следовательно, грамматическая категория здесь выступает лишь в формообразующей роли и не совпадает с тем содержанием, которое заложено в слове, т.е. со значением множественности. Тем не менее, нам кажется, грамматическую категорию числа в собирательном слове можно считать своего рода связью между его грамматическим, семантическим и в некоторых случаях словообразовательными аспектами. Ведь в случаях, когда наряду с формами множественного числа для выражения множественности используются и формы единственного числа (*враг — враги, ягода — ягоды*), категория числа выражает только плюральность. И все же эта плюральность в семантическом отношении неоднородна: в примерах *В саду служанки, на грядках, собирали ягоду в кустах* (П) и *Девочка собрала все ягоды, выпавшие из корзинки слово ягода* в первом случае носит множественно-собирательный характер, во втором же случае то же слово указывает на множественное количество отдельных предметов (*ягодок*). Значит, в последнем случае грамматическая категория числа выступает в своем прямом морфологическом значении и функции, а в первом случае та же категория числа или множественность носит лишь смысловой, логический характер.

Грамматическая категория числа связана с логическим понятием неисчисляемости. Как вещественная, так и собирательная лексика отличается от других существительных признаком неисчисляемости. В некоторых собирательных словах исчисляемость физически возможна (напр., в вышеприведенном примере *собирали ягоду* можно допустить возможность сосчитать собранные ягоды), однако обычно это считается излишним или трудно исполнимым, в иных же случаях исчисляемость совершенно невозможна (напр., в слове *молодежь*), логическая эвентуальность исчисления недопустима на том основании, что здесь она не имеет абсолютно никакого значения, ибо в этом слове выступает понятие совокупности физических и психологических черт, свойственных молодым людям; правда, в некотором употреблении данного слова (напр., *собралась молодежь*, т.е. *молодые люди*) исчисляемость возможна, но и здесь в первую очередь подчеркивается не количество, а упомянутая совокупность.

Категория числа в области собирательной лексики имеет аномальный характер и в синтаксическом отношении, и по согласованию. Поскольку собирательная лексика в основном относится к словам *singularia tantum*, то предикат согласуется с ними соответствующим образом, т.е. в единственном числе, множественное же число отсутствует.

Собирательная лексика старобелорусской письменности (15–17 вв.) отличается последовательностью в грамматическом согласовании: определяемое слово в той же категории числа, что и лексическая единица, выражающая собирательность, например: *перский людъ, челяди своей, две семьи* и т.п. Однако в некоторых случаях наблюдаются колебания. Так, слово *братья*, при согласовании глагола или прилагательного с ним, опирается на разные принципы. В одних памятниках оно употребляется в единственном, в других же – во множественном числе: *именем братьи его милости роожное молодшее* (Акты Брест. земск. суда), *суму... назначоную отъ братьи своихъ роожныхъ* (Акты Брест. земск. суда). Оба морфологических варианта в одном и том же памятнике, с одним и тем же значением. В статистическом отношении это слово преобладает в текстах первого варианта. Такое колебание в употреблении числа в данном слове, вероятно, можно объяснить семантической ассоциацией: слово *братья* с собирательным значением ассоциируется со словом *братья* с плюральным значением от *братъ*. Такое предположение подтверждается следующим мнением Г. Павского: „Окончание -ья в именах *братья, друзья* есть не что иное, как знак множественного числа имен *братие, друзиe*“ [8].

В изучаемых текстах некоторые слова с собирательным значением выходят за рамки принципа *singularia tantum*. Так, например, слова *шляхта, орда* в текстах в основном употребляются только в единственном числе, однако наблюдаются и исключения. Ср.: *родъ свой шляхту поставити* (Лит. Метр., Кн. *судных дел*); *что многие шляхты возвращаются изъ другихъ кардоновъ* (Акты Брест. земск. суда); *у орде* (Лит. Метр. Книги записей); *и самъ царь Татарский со всеми ордами шел въ Литовскую землю* (Акты, относящ. к ист. Зап. России, т. V, стр. 35).

Словообразовательная характеристика собирательной лексики не отличается какими-либо особыми признаками, если не считать суффикса *-ье* (*зверье*). К собирательной лексике Е. Ф. Карский [9] относит слова с основой на *-а* (*госпѡда, жидова, братья, холопья*), слова на согласный, после которого в древнерусском стоял *-ь* (*бронь, рать, челядь*), а также слова с суффиксом *-ство* (*духовенство, игуменство, поганство*). Остальные образования, как *людъ, неприятель, судъ* и т.п., относятся к собирательной лексике не по словообразовательным признакам, а по смысловому содержанию.

Стилистическая сторона собирательной лексики изучаемой эпохи сводится главным образом к метонимии. Так, слова *волость, церковь, костелъ, племя, народъ, потомство, шляхта* и т.п. употребляются для обозначения людей, отдельных лиц: *што мы, волость, твоей милости даемъ въ каждый годъ по семи яловицъ* (Кн. судных дел); здесь слово *волость* в значении „жители волости“; *церковь Божая завше была въ послушенстве епископа* (Акты Брест. земск. суда); здесь слово *церковь* в значении „служители церкви и прихожане“; *две злости костелъ заходный учинилъ* (Полинодия); *ино matka его и иное племя его* (Кн. судных дел), здесь слово *племя* в значении „родственники, члены семьи“; *а вы, весь народъ Московский, ... добра желаете* (Акты Зап. России, т. V), здесь слово *народъ* в значении „жители Москвы, русские“; *а которые померли, тыхъ потомство* (Акты Брест. земск. суда), здесь слово *потомство* в значении „потомки“; *не масть на шляхту простой человекъ светчити въ речи злодейской або въ розбои* (Кн. судных дел), здесь слово *шляхта* в значении „представители дворянского сословия“. Слова такого типа можно найти почти в каждом памятнике данной эпохи.

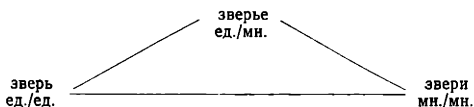
Метонимия более характерна для письменных памятников полемической литературы.

Своеобразным стилистическим средством можно считать употребление некоторых отвлеченных слов в конкретном значении, которое, в свою очередь, выступает с оттенком собирательного значения. Так, например, в предложении *рыцества и шляхта, эъ вознымъ и шляхтою* слова *рыцество* и *шляхта* указывают на определенное количество представителей рыцарского и дворянского сословия. Следует отметить, что слово *шляхта* в таком употреблении особенно часто встречается в деловых документах белорусской письменности 17 века. Поскольку слово это является полонизмом, то можно предполагать, что оно вошло в белорусский язык из польского со всеми своими семантическими вариантами.

Семантический анализ собирательной лексики затрудняется тем, что вообще в лингвистической литературе, как в отечественной, так и зарубежной, до сих пор нет какой-либо установки относительно критериев определения собирательного слова. Как уже отмечалось выше, исследователи, касаясь собирательной лексики, имели в виду главным образом грамматическую категорию собирательности. Нам же хочется выдвинуть на первый план семантический аспект данной лексики.

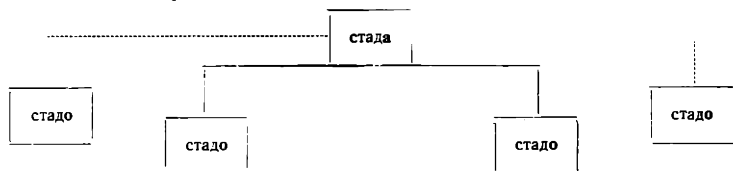
Если А. А. Реформатский [10] не соглашается с мнением И. И. Мещанинова („Каждое имя воспринимается как единица, но единица в свою очередь может быть единичною и коллективною. Наличие последних свиде-

тельствуются нахождением во многих языках так наз. собирательных существительных типа русского *войско, народ, стадо* и т.д.“), то только исходя из грамматических признаков слова, из формального подхода к слову по трафарету известного треугольника слова $\begin{matrix} \text{в} & \triangle & \text{п} \\ & \text{с} & \end{matrix}$ (слово — вещь — понятие), где, по его мнению, указанные слова не вмещаются, так как собирательное слово можно, якобы, получить лишь применив данный треугольник грамматически:

И. Мещанинов же имел в виду, как нам кажется, не грамматический, а семантический или логический аспект слова при определении собирательных существительных, а именно смысловую единичность и коллективность слова. Став на позиции мещаниновской точки зрения, мы включаем в собирательную лексику слова типа *народъ, людъ, войско, стадо, птаство, поспольство, полкъ, оружие* и т.п. В логико-понятийном отношении слова типа *стадо, толпа* можно, на наш взгляд, считать собирательными на том же основании, как и слова типа *детвора, профессура*, которые обычно (а также и А. А. Реформатским) относятся к собирательной лексике. Ведь слова как первого, так и второго типа в некоторой степени многозначны. Ср.: *стадо* как „группа животных, обычно одного вида, пасущихся вместе, или группа животных, птиц, рыб одного вида, держащихся вместе“ (комментарий по Словарю русского языка, М., 1961); в таком значении это слово употребляется в единственном и множественном числе (*стадо свиной, олени стада; стадо диких уток, стада белок*); второе значение данного слова „поголовье сельскохозяйственных животных“; оно употребляется в единственном числе (*создать чистопородное стадо*). Несколько значений также в слове *толпа* — „неорганизованное скопление людей“, употребляется единственное и множественное число (*толпа вооруженных людей, стояли толпы*), „обыкновенные люди“, „масса в противоположность героям, одаренным, выдающимся личностям“, употребляется только в единственном числе (*чем отличился от толпы?* И. Гонч.). Итак, категория числа может быть некоторым критерием не для таких слов вообще, а для отдельных их значений. Множественность в словах данного типа также знаменуется относительностью. Ведь множественное число от существительных *стадо, толпа* и т.п. не обычное множественное категориальное число, т.е. обозначающее нескольких или многих индивидов,

а множественное число нескольких групп или множеств. Графически эту мысль можно выразить так:

Следовательно, в конечном счете грамматический признак категории числа не может быть признан надежным критерием вне учета логико-семантических признаков слова. А это значит, что в Академическую грамматику русского языка (т. I, М., 1952, стр. 23, § 37) следовало бы внести корректив: предложение „Отсутствием форм множественного числа характеризуется также категория имен существительных собирательных, обозначающих совокупность предметов как единое целое, напр.: *студенчество, детвора, белье*“ заменить предложением „Категория имен существительных собирательных, обозначающих совокупность предметов или однородных групп предметов как единое целое, характеризуется отсутствием форм множественного числа, напр.: *студенчество, детвора, белье*, а также семантическим признаком — полисемией, ср.: *стадо — стада, народ — народы, толпа — толпы*“.

Некоторыми исследователями ставится вопрос, включать ли в собирательную лексику слова типа *лес, роща*. Нам кажется, что данные и подобные им слова правомерно считать собирательными опять-таки не по соображениям грамматических признаков, а исходя из понятийного их содержания: основное значение *леса* — это „деревья, стоящие во множестве, на корню, а также пространство, обильно заросшее деревьями“ (комментарий по Словарю русского языка); слово *роща* — „небольшой, чаще лиственный лес“. Итак, в словах *лес, роща* обозначается совокупность деревьев как единое целое; в логическом отношении они совершенно сходны со словами *детвора, студенчество*.

Думается, целесообразно относить к собирательной лексике слова типа *очи, уста*. Эта парность соответствует совокупности предметов как единому целому. Слово *крылья* Е. Ф. Карский считает собирательным именем, что вполне логично. В качестве примеров собирательных существительных Е. Ф. Карский приводит также слова *мужья, цвета, города*; в разделе собирательных имен находим слова *города, леса* и у А. И. Соболевского [11].

В области собирательной лексики до сих пор много спорных вопросов, тем не менее грамматико-семантические или логико-понятийные признаки

слов дают возможность выделить собирательную лексику из общего словарного состава языка.

В изучаемых памятниках собирательная лексика занимает прочное место, особенно в частотном отношении.

Вещественные имена существительные

Термин „вещественный“ в общефилософском смысле указывает на „вещь, предмет“; „вещество“ это „формы материи, состоящие из частиц, имеющих собственную массу (массу покоя)“ [12]. В лингвистическом же значении вещественные существительные – это имена существительные, обозначающие вещество, массу. В Академической грамматике русского языка (1952 г.) категория вещественных имен существительных выделяется на основании морфологических признаков: не употребляются во множественном числе и имеют особую форму родительного падежа с количественным значением. А. А. Шахматов [13] выделяет „категорию вещественности“ также только по грамматическим признакам.

Рассматривая слова (значения) с логической точки зрения, А. И. Смирницкий [14] делит английские существительные на существительные, обозначающие так наз. одушевленные предметы, и существительные, обозначающие конкретные неодушевленные предметы, вещества (*разрядка наша*. – В.С.), процессы и действия, признаки, отвлеченные от предметов и т.д. Сквозь логическую призму рассматривает слова и Б. Уорф [15]. По его мнению, имеется два вида существительных, обозначающих материальные предметы: существительные, обозначающие отдельные предметы, и существительные, обозначающие вещества. Существительные второй группы обозначают однородную массу, не имеющую четких границ. О. Есперсен для вещественных существительных предлагает термин „названия массы“ (*mass-words*), причем в эту категорию он включает не только слова, обозначающие вещество „независимо от его формы“ (*серебро, вода, воздух, газ*), но также и слова, которые могут быть неведественными, как *досуг, музыка, движение, такт*. Это излишнее, даже не вполне логичное расширение вещественной лексики, с которым едва ли можно согласиться. В своей работе („Философия грамматики“) О. Есперсен [4] критикует классификацию существительных, предложенную Сунтом (*New English Grammar*) и Норейном (*A. Noreen, Vårt Språk*). Согласно Сунту, основное деление проходит между существительными вещественными (или конкретными) и существительными абстрактными. Конкретные подразделяются им на имена прилагательные, а эти, в свою очередь, на названия разряда и названия материала (*железо*), и имена собственные; кроме того, нарицательные имена могут быть индивидуальными (*человек*)

и собирательными (*толпа*). Вероятно, О. Есперсен прав, утверждая, что классификация Сунта неудачна, в частности потому, что он „не видит сходства между „названиями материала“ и абстрактными существительными“. А. Норейн, кроме абстрактных существительных (типа *красота, мудрость*), устанавливает следующие разряды: 1) неделимые существительные, обозначающие предметы, не поддающиеся делению на несколько однородных частей; сюда он относит *individua* (*Стокгольм*) и *dividia* (*человек, дерево, брюки, корь*); 2) делимые существительные, которые распадаются на а) вещественные (*materialia*) (*железо, рыба*) и б) собирательные существительные, подразделяющиеся на собирательно-тотальные (*братство, знать, армия*) и собирательно-плюральные (*огни, вина, волны*); собирательно-плюральные подразделяются еще на (а) однородные (*лошади*) и (б) разнородные (*родители*, т.е. единственное число *отец и мать*). И здесь, вероятно, О. Есперсен прав, утверждая, что данная классификация искусственна, создаются ненужные разряды, в термин „собирательные существительные“ вкладывается слишком широкое значение.

Критериями вещественных слов, на наш взгляд, могут быть грамматические и семантические признаки. Грамматические признаки различения вещественных существительных не являются всеобъемлющими, ибо признаки сингулярности (*мука, соль*) и плюральности (*чернила, сливки*) не охватывают всех вещественных существительных: некоторые имена (*масла, вина*) могут употребляться как в единственном, так и во множественном числе, тут необходима связь с семантикой (сорто различие, понятие большого количества, массы вещества). Итак, грамматический критерий можно считать лишь вспомогательным, способствующим выделить слово, обозначающее вещество; основным же его признаком является семантико-понятийное содержание. Однако признак этот требует индивидуального подхода к лексике, контекстуальных условий.

В грамматическом отношении изучаемая лексика в старобелорусской письменности не отличается своеобразием: употребление слов, обозначающих вещество, в единственном и во множественном числе почти полностью совпадает с современным грамматическим узусом в восточнославянских языках. Так, например, только единственное число наблюдается в следующих типах слов: *медъ, хмель, соль, воскъ, мохъ, снегъ, млеко, сахаръ, ленъ, сено, овесъ, рожь, жито, пшеница, солома, смола, попель, шерсть, сукно* и пр.

Слов с вещественным значением, употребляемых только во множественном числе, в изучаемых текстах чрезвычайно мало. Например: *да всегда слезами томлю ихъ* (Александрья), *по два возы дровъ* (Акты Зап. России, т. V, стр. 38) и др.

Больше примеров находим в текстах с употреблением категории числа в зависимости от контекстуальных условий. Так, например, слово *полотно* встречается в обоих числах: „*полотном выткавши* (Александрья), *полотна локтей двадцать* (Акты Брест. земск. суда); *А што есмь мель статку домового — ковровъ, мисъ... лихтаревъ, полотенъ, скатертей...* (Кн. судных дел); *въ томъ озери вода солодкая якъ сахаръ* (Александрья); *при водах цудных* (Александрья); *абысте доброволне вышли з ваших лодий первой ниж огонь примусит округне упадет* (Алекс.); *приказалъ... великии огни палит* (Александрья) и пр.

В этих случаях морфологический признак (категория числа) всецело зависит от семантического содержания слов. Если, например, в словах *полотно, вода, огонь* употребление единственного числа подчеркивает сугубо вещественное значение, то в тех же словах множественное число добавляет к основному значению (вещества) более конкретное значение, т.е. если данные слова в единственном числе выступают со значениями неопределенного, даже безграничного количества, то во множественном числе они указывают на конкретные предметы с определенным количеством, которое подвергается исчислению.

Многозначность слова требует, как известно, синсемантического подхода. В наших текстах наблюдаем несколько вариантов семантической дифференциации. Один из вариантов заключается в том, что из нескольких значений слова лишь одно относится к вещественной лексике. Так, например, слова *куница* в старобелорусских памятниках встречается в двух значениях: 1) „куний мех“: *была на немъ моя куница* (Кн. судных дел) и 2) „особая подать“: *и бралъ съ тыхъ имень себе въ кождый годъ дани по семидесятъ пудовъ меду пресного, тежъ куницы и серебизны* (Кн. судных дел); в аналогичных значениях также слова *соболь, лиса* и пр. К другому семантическому варианту можно отнести слова, из многих значений которых два или больше входят в вещественную лексику. Так, например, слово *вино*: 1) „алкогольный напиток“: *а шинкованья и соложенья вина, меду* (Грам. Жиг. 1432 г.); 2) „сок“: *з неи (ягоды) вино витиснул* (Александрья); 3) „особая подать“: *и тежъ вступался у вино, съ которого жъ питья платъ маеть быти на ратушу* (Книги записей). В двух первых примерах слово *вино* с вещественным значением, в третьем же оно относится к терминологической (административной) лексике, в которой значение вещества не играет роли. Слово в третьем значении можно отнести к особому семантическому разряду, располагающему использованием стилистических средств. Перенос значения с использованием различных тропов почти аннулирует в слове вещественное значение. Так, например, в предложениях *в том озери вода солодкая*

якъ сахаръ, бела яко молоко слова *сахаръ* и *молоко* использованы для стилистического сравнения, здесь на первый план выступает не значение самого вещества, а значение свойства данного вещества („сладость“ и „белизна“).

Следует отметить, что в изучаемых текстах более частотна вещественная лексика, употребленная в переносном значении. Такого типа словоупотребления встречаются в различных тематических группах и в текстах различных жанров. Так, например, в деловых документах находим обозначения межевых границ посредством вещественных лексем (*мохъ*): *оттуль до мху... ото мху... до урочища* (Акты Зап. России, т. V); в памятниках иного жанра употребляются слова, в которых значение вещества приобретает определенную форму и назначение: *возовъ, вси зъ острими железами (=оружием)* (Александрья) и т.д.

Особенно широкое распространение в памятниках имеет место употребление вещественной лексики, по терминологии Б. Уорфа, „в соответствующих формулах“. Формулы эти обычно состоят из двух слов: названия сосуда или названия, обозначающего ту или иную форму, и названия вещества. В деловых памятниках старобелорусской письменности первый компонент данной формулы обычно представляет собой определенную меру измерения, которую можно считать терминологической, поскольку она считалась в данную эпоху единицей подати: *отъ кожного воза сена по четыре пенеци* (Акты Брест. земск. суда); *овса бочку ровную* (там же); *въ чотырехъ солянкахъ жита* (Кн. судных дел); *дани медовое шести ведеръ не заплатили* (там же); *а олова пять пудовъ съ шетвертью Мстиславское ваги* (там же) и т.д.

Итак, упомянутая формула ограничивает бесформенную массу вещества и как бы превращает вещественное слово в конкретную, предметную лексему, состоящую из словосочетания. В терминологическом отношении такое словосочетание становится несвободным, в обычном же употреблении словосочетание свободное, однако в нем выступает факультативная валентность. Например, мера емкости *бочка* в изучаемых памятниках почти во всех случаях встречается в связи с понятием дани, оброка, в результате чего слово это в сочетании со словом, обозначающим сыпучее, жидкое или другое вещество, приобрело терминологическое значение уже в древнее время. В Словаре Е. Г. Кочина [16] сказано: „*Бочка* была названием русской меры жидкости, равная сорока ведрам (около 480 л.), применявшаяся вплоть до введения метрической системы“. В обычном же значении сосуда слово *бочка* может употребляться и вне сочетания с другим словом, оно лишь предполагает, т.е. факультативно валентно по отношению к слову, обозначающему вещество.

В некоторых случаях вещественное значение могут приобрести слова, которые в своем основном значении относятся к предметной лексике. Так, например, слова *дерево*, *цегла* – это предметы, имеющие определенную форму: *дерево* – „многолетнее растение с твердым стволом и ветвями, образующими корону“ [18]; *цегла* – „кирпич или предмет, имеющий форму прямоугольного бруска“ [18]. Между тем те же слова, употребленные в значении строительного материала, уже относятся к вещественной лексике, ибо превращаются в бесформенную массу. Например: *которые (шюкове) бы се способности на материю, цеглу, вапно и дерево до выставенья порадного церкви и монастыря* (Акты Брест. суда); *до глаху, которшй был збудован з дерева... чорного* (Александрья). В этом случае слова *дерево*, *цегла* служат для обозначения материала, количество и форма которого определяются строящимся зданием, а не самими предметами, составляющими строительный материал. Хотя, например, кирпич может сохранить свою форму и величину в построенном здании, однако слово это в значении строительного материала теряет свое основное значение и переходит в лексему, обозначающую только вещество.

Встречаются в текстах случаи (редкие), когда слово со значением вещественности переходит в чисто абстрактную лексему. Так, например, в предложении *и за хлебъ ему подяковалъ* (Акты Зап. России) слово *хлебъ* приобретает отвлеченное значение: „питание, гостеприимство“ В данном употреблении слово отличается от того типа слов, которые указаны выше (*мохъ*, *железо*). В обоих случаях вещественная лексема получает переносное значение, однако результат переноса неодинаков. Если в словах типа *мохъ*, *железо* делается перенос значения по направлению от вещественной к предметной (или полупредметной) лексике, то в словах типа *хлебъ* перенос значения идет в противоположном направлении: от вещественной к абстрактной. Графически это явление можно изобразить так:

Некоторыми исследователями ставится вопрос, следует ли причислить к вещественной лексике слова типа *море*, *река*, *озеро*. На наш взгляд, такие слова нельзя считать вещественными на том основании, что, во-первых, они не обозначают вещественного содержания предмета, а во-вторых, каждое из них заключает в себе понятие, предполагающее какую-то форму: все ука-

занные слова имеют соответствующую географическую символику формы, изображаемую на географической карте. Однако понятие это ассоциируется с понятием вещества (*вода*). Нам кажется, слова данного типа можно включить в уорфскую „формулу“, в которой они заняли бы место первого компонента (ср. *бочка воды*), второй же компонент (*вода*) лишь подразумевается. На основе такого рассуждения получается логический вывод, что вещественная лексика, особенно та, которая обозначает вещество, требующее сосуда или других каких-либо рамок, является валентной. Однако валентность в таких случаях лишь факультативная; если имеется в виду само вещество, вне предметного оформления, то валентность сама собой подразумевается. Так, например, в предложении *мель през одни трунокъ приворотит его ку первому здоровю* (Александрья) слово *трунокъ* („напиток“) предполагает какой-то сосуд, без которого его невозможно принять.

В заключение следует отметить, что в изучаемых памятниках вещественная лексика не является весьма богатой. В тематическом отношении более частотна лексика, обозначающая сельскохозяйственные продукты и знаки, как, например, *медъ, жито, рожь* и пр.

Приведенные выше примеры и определения показывают, что вещественная и собирательная лексика различается по своему характеру предметного содержания, однако можно выделить некоторый пласт слов, которые совмещают в себе как признак вещества, т.е. вещественной лексики, так и признак совокупности предметов, т.е. собирательной лексики. Такие слова можно отнести к особому разряду — вещественно-собирательной лексике. Если в словах типа *вода, вино, медъ* выступает признак жидкости, массы (сплошной), то в словах типа *солома, пшеница, горохъ* совершенно иной признак: здесь имеется в виду „масса“ в виде совокупности отдельных частиц предмета, т.е. совокупность этих частиц. Вероятно, в логическом отношении данные понятия правильнее, точнее выражаются в балтийских языках, где в словах (напр., лит. *šiaudai, kviečiai, žirniai*) отражается множество делимых и даже поддающихся исчислению (хотя с большими техническими трудностями) частиц.

По мнению некоторых исследователей, собирательность исторически предшествует вещественности. В. М. Дегтерев утверждает: „Как логико-грамматические явления, вещественность и собирательность сложились вместе с оформлением в мышлении обобщенного понятия вещества и неопределенного множества одноименных предметов, мыслимых в совокупности и единстве. Начало этого процесса относится к эпохе общиндоевропейского языкового единства“ [17]. Если с последним утверждением можно полностью

согласиться, то о тносительно первого, т.е. утверждения о временном приоритете собирательной лексики, можно спорить, имея в виду не грамматическую, а семантическую сторону предмета, понятийный аспект слова.

Использованная литература

1. П. С. Попов. Значение слова и понятие, ВЯ, 1956, № 6, стр. 40.
2. А. А. Реформатский. Число и грамматика, „Вопросы грамматики“, Сб. ст., АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 394.
3. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—III. М., 1958, стр. 36.
4. О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 225.
5. А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 333.
6. Там же, стр. 338.
7. Н. А. Павленко. Словообразование имен существительных при помощи суффиксов *-ство* и *-ость* в белорусском языке. Автореферат канд. диссертации, 1959.
8. Г. Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка. СПб, 1850, стр. 292.
9. Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II. Варшава, 1911, стр. 149.
10. А. А. Реформатский. Число и грамматика. „Вопросы грамматики“, Сб. ст., АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 396.
11. А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр. 221.
12. Большая Советская Энциклопедия, т. 7, стр. 609.
13. А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, изд. II. М.—Л., 1930, стр. 96.
14. А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 180.
15. Б. Л. Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку. „Новое в лингвистике“, вып. I, М., 1960, стр. 143.
16. Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. Л., 1937, стр. 32.
17. В. И. Дегтярев. Развитие лексико-грамматических классов собирательных и вещественных имен существительных в русском языке XI—XVII вв. Автореферат диссертации, 1965, Ростов-на-Дону.
18. Словарь русского языка, АН СССР, М., т. I, IV.

ZUR FRAGE ÜBER DEN HALBABSTRAKTISCHEN WORTSCHATZ

V. STAŠAITIENĖ

Zusammenfassung

Im Artikel ist ein Gedanke aufgeworfen, die Sammelwörter und die Stoffwörter als halb-abstrakten Wortschatz in der semantischen Beziehung zu definieren.

Der Artikel besteht aus zwei Teilen: 1) man untersucht die Sammelwörter vom grammatischen, wortbildenden, stylistischen und semantischen Standpunkt, 2) man analysiert die Stoffwörter von zwei Seiten: grammatischen und semantischen.

In der Grundlage der Analyse ist der semantische Aspekt betont. Auf dieser Grundlage äußert der Autor den Gedanken, daß die Rolle der semantischen Merkmale in der akademischen Grammatik der russischen Sprache und in den anderen wissenschaftlichen Leistungen, die sich auf dieses Problem beziehen, nicht genug eingeschätzt wird.

Bei der Definierung der Sammel- und Stoffwörter betont der Autor des Artikels die Notwendigkeit, das semantische Merkmal zu berücksichtigen. Um diesen Grundsatz zu beweisen, wird es nicht nur textische, sondern auch graphische Illustration angeführt.

Das Material der Beispiele ist aus dem altweißrussischen Schriftentum des 15.–17. Jahrhunderts genommen.